

ШХ: Итак, давай для начала рассмотрим четыре разные книги. Сумерки — всё началось со сна. СМ: Верно. Должна ли я рассказать эту историю — и выпустить её для печати?

ШХ: А ты хочешь? СМ: Я бы с удовольствием. Правда для меня это история всегда звучит как липовая. И когда мой издатель сказала мне, что я должна её рассказать — потому что это хорошая история в плане рекламы — а я чувствовала, что многие люди скажут: «Знаете, это смешно. Она выдумала эту глупость, чтобы постараться и привлечь внимание». Но это не что иное, как холодные факты, о том, как я начинала свою карьеру писательницы. Обычно я просыпаюсь около четырех часов утра. Я думаю, что это детские штучки — оставшаяся в сознании того, что кто-то в тебе нуждается — а потом я снова засыпаю. Именно тогда мне снились самые яркие сны — в те утренние часы. И это те, которые ты помнишь, когда просыпаешься. Итак, во сне я смотрела вниз на эту сцену: это было на том же лугу, и там было так много света. Сон был очень, очень красочным. Не знаю, всегда ли это проявлялась при написании — что этот эффект призмы был настолько великолепным.

ШХ: Солнечный свет, отражающийся на коже Эдварда? СМ: Аха. Там был этот прекрасный образ, этот парень, сверкающий на свету и разговаривающий с этой нормальной девушкой. И сон в действительности был о нём. Она тоже слушала его, как и я, и именно он рассказывал эту историю. В основном речь шла о том, как сильно он хотел убить её — и, тем не менее, как сильно он любил её. Во сне, я думаю, я видела большинство происходящего, что сейчас является главой 13 в книге. Та часть, где он рассказывает о том, что он чувствовал в каждой конкретной предыдущей сцене, которая, очевидно, была вставлена позже, потому что я ещё не написала эти более ранние сцены. Но всё остальное в этой сцене было в основном тем, о чём они на самом деле говорили во сне. Даже аналогия с едой была чем-то, что явилась в моём сне. Я была так заинтригована, когда я проснулась. Я просто сидела и думала: Так чем же всё закончится? Он убьёт её? Потому что это правда было очень близко. Знаешь, как бывает во сне, ты не только слышишь, но ты также как бы чувствуешь, что происходит, и видишь всё, что видит личность в твоей голове. Так что я знала, насколько близок он был к тому, чтобы убить её. Я имею в виду, что между тем, что он собирался выбрать, была очень тонкая грань. И поэтому я лишь задалась вопросом: Как они справятся с такой задачей? Каков будет следующий шаг для такой пары, как эта? В последнее время я начала осознавать, что моя память ухудшается, и что я больше не могу вспомнить, кому и что я сказала вчера. Моему младшему миновало лишь год, среднему два, и у меня есть пятилетний ребенок. Так что мой мозг был похож на овсянку — ничего не сохранялось. И поэтому я знала, что забуду эту историю! Осознание этого было чем-то, что, правда, причиняло мне боль. Знаешь, когда я была ребенком, я всегда рассказывала себе истории, но я никогда не записывала их. В этом не было необходимости — тогда у меня была отличная память. Так что я всегда могла вернуться и пересмотреть то, что было об этой, то что было о той, пройти и усовершенствовать историю. Но эту бы забыла, если бы я ничего не предприняла. Так что после того, как я накормила детей завтраком, у меня оставалось всего два часа до уроков плавания. И, хотя я должна была заниматься другими делами, я начала записывать.

Не столько сон, сколько тот день, когда я начала писать, сделало меня писательницей. Потому что сон был замечательным, и это была хорошая история. Но если бы я имела свою память [смеется], это осталось бы просто историей в моей голове. И я бы выяснила всё, что произошло, и рассказала бы её самой себе, но на этом всё бы и закончилось. Но записать её и

сделать реальной, а также иметь возможность вернуться и перечитать предложения, стало для меня просто откровением. Это был удивительный опыт: Ух ты! Вот каково это — записывать истории. Меня зацепило — мне не хотелось бросать. Я часто рисовала — особенно когда училась в средней школе. Я даже завоевала несколько наград — у меня неплохо получалось с акварелью. У моей мамы до сих пор висят кое-какие рисунки в её доме. Немного неловко, но они весьма неплохие. Я не была великим художником. Это было не то, к чему я должна была стремиться как к карьере, при любом размахе воображения. Я могла видеть картину в своей голове, но я не могла поместить её на холст так же, как она выявлялась в моей голове. Это всегда становилось разочарованием. Когда я начала писать, у меня сразу же произошёл прорыв: Я могу сделать это реальным, если напишу это, и это именно то, что я вижу в своей голове. Я не знала, что способна на это. Так что это был действительно тот опыт, который сделал меня писательницей и заставил меня захотеть продолжать ею быть.

ШХ: Итак, ты начала писать сцену на лугу. Что ты написала после него?СМ: Я продолжила до конца, в хронологическом порядке — чего я уже обычно не делаю.

ШХ: Значит, ты не вернулась к началу... потому что хотела знать, что будет дальше.СМ: Аха. Я была такой же, как любой читатель с историей — тебе хочется узнать, что произойдёт дальше.Предысторию я оставила на потом. На самом деле она меня не слишком заботила — я хотела увидеть, куда она приведёт.Поэтому я продолжала писать. Последняя глава становилась всё длиннее и длиннее, а потом я создавала эпилог за эпилогом. Было так много вещей, которые я хотела исследовать — например, почему это произошло таким образом, и почему то произошло таким образом, и как Белла впервые познакомилась с Элис, и каковы были их первые впечатления. Так что я вернулась и сделала начало, и обнаружила, что это действительно захватывающе — иметь возможность конкретизировать историю и объяснить причины всего, что произошло позже.Я обозначала все свои главы буквами, вместо того, чтобы нумеровать их. Итак я вернулась и сделала главу «А», и я думаю, что 13 глава являлась примерна под буквой «Д». Потому что я думала, что, может, пять или шесть глав материала будут охватывать начало... а потом было двенадцать, так что я была удивлена этому. [Смеется]

ШХ: Ты была удивлены тем, как много на самом деле произошло до этого?СМ: Аха, это просто продолжалось. Я посчитала: Ух ты, это занимает много времени. И на этом я, наконец, закончила, что было последним предложением в главе 12. И я знала, что как если бы провела железную дорогу через континент, а она была золотым шипом, который двигался по ней. Вся история связалось воедино. И это был тот момент шока, когда я подумала: Вообще-то это история достаточно длинная, что можно рассматривать её книгой в некотором роде.

ШХ: До тех пор ты действительно даже не рассматривала её как книгу?СМ: Нет. [Смеется] Нет, я считаю, что если бы я думала о ней как о книге, я бы никогда её не закончила. Считаю, что если бы я подумала где-то на полпути, Знаете, может, я смогу сделать из неё книгу... может, я могла бы сделать из неё что-то, давление раздавило бы меня, и я бы сдалась. Я правда очень рада, что не подумала об этой истории таким образом. Я рада, что защитила себя в то время, лишь сохранив эту личную историю для себя одной.

ШХ: И всё это время ты считала себя читателем.СМ: Да-да. Ну, я немного застенчива, и мне, очевидно, пришлось преодолеть это качество во многих отношениях.Но главной Стефани, которая по-прежнему здесь, очень трудно позволить людям читать то, что она пишет. [Смеется] И есть много удовольствия, которое, я уверена, ты испытываешь, позволяя кому-то

читать то, что ты пишешь. Но есть ещё и страх перед этим — это действительно уязвимое положение, в которое можно поставить себя.

ШХ: Однажды я побывала на семинаре творческого письма, и преподаватель спросил нас: если бы мы оказались на необитаемом острове, какие две книги мы бы взяли? И в качестве одной из книг, которую я выбрала, была записная книжка — пустая записная книжка — чтобы я могла писать истории. И был однокурсник, который сказал: «Если бы ты была на необитаемом острове одна, зачем тебе писать истории?» И я подумала: Почему ты в этом курсе? [СМ смеется] Потому что, если единственная цель, с которой ты пишешь — это чтобы кто-то другой их прочитал, тогда зачем тебе вообще это делать? Для меня это не имеет смысла. Но есть что-то экстраординарное в том, чтобы писать для себя, а затем делиться этим. СМ: Я никогда не думала об истории с необитаемым островом. Но это были бы идеальные условия для написания, насколько я могу судить. Это было бы здорово. Хотя мне не нужен спиральный блокнот — мне нужен ноутбук. Печатать намного лучше. Я не могу разобрать и половину написанного своим почерком.

ШХ: Значит, ты начала незамедлительно набирать текст на компьютере, когда начала писать его? СМ: Аха.

ШХ: А теперь, сколько времени прошло с того момента, как ты записала свой сон, и до того, как ты закончила первый черновик? СМ: Я записала свой сон второго июня. Всё это было помечено в моём календаре: первый день моей летней диеты; первый день занятий по плаванию. Довольно забавно знать точно, в какой день ты начала быть писательницей! И я закончила её незадолго перед свадьбой моего брата, которая была — он недавно отметил свою годовщину — Мне кажется, это было двадцать девятого августа?

ШХ: Итак, это было сделано менее чем за три месяца — просто излияние слов. СМ: Аха.

ШХ: А было такое, что эта история крутилась у тебя в голове на протяжении дня, даже когда ты не писала? СМ: Даже когда я спала — даже когда я бодрствовала. Я не могла общаться с людьми. Все мои друзья просто подумали, что я их бросила, потому что я жила в своём собственном мире целое лето. Но здесь было по-настоящему жаркое, душное, отвратительное лето. И когда я оглянулась позже назад, мне показалось, что я провела всё лето в прохладном, зелёном месте, потому что именно настолько мой мозг был далек от того, что происходило на самом деле. Меня здесь не было — и это печально. [Смеется] Физически я была рядом со своими детьми и заботилась о них. И у меня были мои малыши, один на ноге, а другой на коленях, большую часть времени, когда я писала. К счастью, телевизор был позади меня [смеется], так что они могли опереться на моё плечо, ну знаешь, посмотреть Подсказки Бульки, пока я печатала. Но я не думаю, что можно продолжать такие сосредоточенные усилия дольше, чем одно лето. В конце концов, ты должна найти какой-то баланс.

ШХ: Ты должна выйти на воздух. СМ: Аха.

ШХ: И как у тебя это получилось? Ты так занята, как мама. Каждое мгновение дня с тремя

маленькими детьми, расписано. Внезапно ты вкладываешь в это другие огромные усилия. Как ты смогла себе это позволить?СМ: Большую часть времени я не чувствовала, что это был выбор. Как только я начала писать, мне показалось, что было так много всего, что я так долго держала внутри себя.

ШХ: Не только эта история. Но очень активное повествование и творчество, я уверена, просачивались в тебе в течение многих лет.СМ: Это был творческий выход, который был лучшим, что я когда-либо находила. Я делала и другие творческие вещи: торты на день рождения и действительно отличные костюмы на Хэллоуин, если я уж сама такое говорю. Я всегда искала способы творческого самовыражения. И это всегда расстраивало — этого никогда не было достаточно. Быть мамой, особенно когда дети маленькие — когда они становятся старше, становится намного проще — ты должна быть рядом с ними каждую минуту. И многое из того, кем является Стефани, ускользало.

ШХ: Аха.СМ: Писательство вернуло это с такой силой, что это была просто навязчивая идея, которую я не могла... я не могла от неё избавиться. И это было, я считаю, своего рода прорыв плотины, и поначалу этот огромный всплеск. А потом я научился управлять им.

ШХ: Тебе бы пришлось это сделать. Но какой потрясающий способ начать!СМ: Так и было. Ощущалось правда хорошо — ощущалось очень, очень хорошо. И я думаю, что когда ты находишь что-то такое, что ты можешь сделать, что заставляет тебя чувствовать себя именно так, ты просто цепляешься за это.

ШХ: Значит, ты никогда раньше не писала даже коротких рассказов.СМ: Я никогда не расценивала писательство всерьёз. Когда я училась в средней школе, я размышляла о некоторых историях, которые могли бы стать хорошей книгой, но я не воспринимала эту идею всерьёз и никогда не говорила: «Боже, я собираюсь это сделать». Мгновение я думала об этом — так же серьёзно, как о том, чтобы стать профессиональной балериной.

ШХ: Верно.СМ: О, и я бы просто отлично смотрелась [ШХ смеется] в своём Щелкунчике. Я была бы просто фантастичной — за исключением того, что, очевидно, у меня вообще нет ни чувства ритма, ни телосложения для балерины. [ШХ смеется] Так что это было похоже на одну из тех бессмысленных вещей — вроде желания стать дриадой.И потом, когда я училась в колледже, я правда написала пару глав о чём-то... потому что я считала, что это закон: когда ты на специальности Английского, ты должна рассматривать писательскую карьеру. Но это нелепо. Я имею в виду, что ты никак не сможешь заработать на жизнь, будучи писателем — все это знают. А, действительно, стать редактором слишком сложно — это просто непрактичное решение. Если ты собираешься обеспечивать себя, ты должна мыслить реалистично. Знаешь, я собиралась поступить в юридический институт. Я знала, что смогу это сделать. Знала, что если буду усердно трудиться, то мне будет в некотором роде гарантировано, что я смогу хотя бы найти достойную работу где-нибудь, где будут оплачиваться счета.Такой гарантии нет когда речь идёт о писательской деятельности или вообще любой деятельности в издательской индустрии.Тебе не гарантировано, что сможешь прокормить себя, если пойдёшь по этому пути, и поэтому я бы никогда не рассматривала его. Я была — и остаюсь — очень практичным человеком.

ШХ: Значит, тебе действительно пришлось заняться этим со стороны... обманывать себя тем, что на самом деле ты не пишешь книгу.СМ: Я считаю, что происходила какая-то подсознательная вещь, которая защищала меня от того, чтобы думать об этой истории таким образом, чтобы я смогла её закончить.

ШХ: Верно. Но, разумеется, ты была читателем. Ты всю свою жизнь была заядлым читателем.СМ: Подобное всегда было моим любимым занятием, пока я не начала писать. Мои дети и мой муж раньше дразнили меня, потому что моя рука естественным образом образовывала такую форму подставки для книг [ШХ смеется], такая клешня для хранения книг. Потому что в одной руке я держала ребенка, в другой — книгу, а под подбородком заложена бутылочка, а на плече лежал телефон. [Смеется] Ну, знаешь, Мама Осьминог. Но книга была со мной всегда. Мне всегда был нужен этот дополнительный фантастический мир. Мне нужен был другой мир, в котором я могла бы одновременно находиться. И вот, когда я писала, я просто нашла способ обрести другой мир, а затем иметь возможность быть его частью в гораздо большей степени, чем в качестве читателя.

ШХ: Я думаю, что это часть многозадачности. Интересно, с большинством писателями так — я знаю, что мамы должны быть такими, но и большинство писателей тоже — должны делать две вещи одновременно, просто чтобы развлечься.СМ: Именно. [Смеется]

ШХ: Это не значит, что я не удовлетворена, потому что я люблю свою жизнь. Я тоже мама маленьких детей — и я люблю своего мужа — но мне также нужно нечто помимо этого. Мне нужна другая история, которая увлечёт меня.СМ: Знаешь, это забавно. Когда я стала писателем, я начала присматриваться к другим писателям и на то, как они делают те или иные вещи, и все очень разные. Недавно я прочитала Искушение, и мне стало интересно, как Иэн Макьюэн пишет о писательской деятельности с точки зрения персонажа.... Она всегда видит другую историю. Она делает одно, но потом в её голове это становится нечто иным, и это превращается в другую историю. Это похоже на то, что ты говорила о писателях, нуждающихся в этой дополнительной реальности, чтобы туда сбежать. Я думаю, что у писателей, возможно, действительно есть такая потребность в более чем одной реальности. [Смеется]

ШХ: Знаешь, мы не совсем уверены, что это — сумасшествие или суперсила.СМ: Но это сумасшествие, которое никому не причиняет вреда.

ШХ: Верно. Это своего рода дружелюбное, уютное, нечеткое сумасшествие.